

Владимир Грачев

12+

Крымские охотничьи рассказы

Владимир Грачев

Крымские охотничьи рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Грачев В. Г.

Крымские охотничьи рассказы / В. Г. Грачев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга предназначена для читателей всех возрастов. В нее вошли рассказы и повести крымского автора — краеведа, охотника, писателя и поэта-барда Владимира Грачева. В легкочитаемой, порой юмористическо-ироничной форме автор описал свои невыдуманные воспоминания о самых ярких приключениях, связанных с его охотой в Крыму на пернатую дичь и зайцев, а также воспитанием, натаской и содержанием охотничьих собак. Все герои рассказов и повестей — друзья и единомышленники автора. И даже имена их почти всегда совпадают с подлинными. Книга имеет ещё и прикладную ценность, так как некоторые рассказы начинающим охотникам можно использовать как руководство при практической натаске своих охотничьих собак. Все опубликованные в книге стихотворения-песни также являются итогом многолетнего общения автором с «собачьим» миром и результатом его наблюдений и чувств, возникающих при этом.

Долгая дорога домой

Глава 1

Чувство постоянного голода, которое несколько дней терзало Арну, стало уже почти привычным. Есть хотелось постоянно. Те жалкие объедки – старые кости, закаменевшие куски хлеба, которые удавалось разыскать на свалке, – никак не могли насытить желудок тридцатипятикилограммовой взрослой собаки, которая неожиданно для себя самой оказалась вдали от своего хозяина, теплой квартиры, где она прожила всю свою собачью жизнь, и здоровенной миски на кухне, которая наполнялась доверху теплой и сытной едой два раза в сутки – после утренней и вечерней прогулки. Да, все изменилось – и изменилось внезапно, быстро и страшно. Не было привычного потолка над головой, а было только высокое и не всегда солнечное небо. Вместо привычного половика, на котором так сладко спалось днем, и хозяйской постели, на которой было привычное ночное лежбище, приходилось спать на голой земле, чуть прикрытой пожухлой травой, в ближайшем от свалки небольшом сосняке. Да и до него надо было еще добраться вечером, перебегая довольно оживленное пригородное шоссе, по которому туда-сюда сновали машины.

А на свалке оставаться было нельзя! Даже днем, когда обычно здесь никого, кроме собак, не было, надо было все время держать «ухо остро». Самая главная опасность подстерегала утром, во время прихода туда стаи собак, которая облюбовала себе для кормежки эту свалку, и в которую Арна, волею судьбы, попала. Именно по утрам сюда, на свалку, приходили люди. Это были не просто люди, которые на своих машинах привозили кульки с разным мусором, быстро его сгружали и уезжали восвояси. Нет – это были другие люди. Они так же, как собаки, рылись во вновь привезенных отходах, доставая из них разные, интересующие их предметы – пустые бутылки, стеклянные банки, изношенную обувь и одежду, разнообразные вещички, которые, на их взгляд, могли еще пригодиться кому-либо и пойти на перепродажу. Они же были и главными соперниками стаи, потому как тщательно выуживали из куч вновь привезенного мусора все мало-мальски пригодные пищевые продукты. Все отсортировывалось – хлеб складывался отдельно, всякие крупы – тоже. Если попадались какие-то колбасные и рыбные недоеденные изделия, то они тоже не выбрасывались, а проверялись на нюх, а порой и на вкус для определения степени годности. Люди эти были одеты, во что попало, пахло от них свалкой, давно немывыми телами, спиртным и табаком.

Арна – восьмилетняя породистая охотничья собака, всегда отличалась добрым, покладистым и дружелюбным нравом. Ее любили дети во дворе, который со всех сторон «обступали» жилые пятиэтажки образца шестидесятых годов прошлого века, ее никогда не обижали «взрослые», гуляющие с этими детьми. Какое же было собачье счастье, выйдя в этот двор с хозяином – побегать за мячиком или палкой, бросаемой каким-нибудь малышом, порезвиться с другими собаками, которые выгуливались здесь же. И вот теперь все изменилось! На этой свалке людей надо было бояться и не только не подходить к ним близко, как бы они не подманивали тебя какой-нибудь вкуснятиной, но и оббегать их как можно дальше, держась от них на максимально отдаленной дистанции. Это были «другие люди». Арне повезло – она убедилась в этом первый же день своего пребывания на свалке.

В тот злополучный день стая, живущая и кормящаяся на ней, пополнилась не только Арной. Почти одновременно с ее появлением к свалке подъехала еще одна машина и из нее на дорогу выбросили несколько уже подросших трехмесячных крупных щенков. Наверное, это были какие-то убудочные щенки, полученные в результате смешивания собак разных пород, и потому от них решили избавиться. Люди-бомжи, стоящие в отдалении, тоже прекрасно видели, кого им оставили на дороге. После того как машина уехала, они смело подошли к щенкам и подобрали их. А через некоторое время Арна, все это время сидевшая неподалеку, увидела, как эти люди развели костер между кучами мусора и что-то жарят на нем. От костра

пахло мясом. Что это было за мясо – Арна догадалась потом, когда они ушли. Голод и любопытство привели ее к остаткам этого костра, и тут она увидела несколько меховых шкурок, которые валялись рядом – это было все, что осталось от недавно привезенных щенков.

А потом появилась стая. Впереди бежали несколько мелких собак разного роста и окраски. За ними – четыре рослых, лохматых кобеля и матерая самка. Это были истинные «хозяева» свалки. Бежали собаки гуськом, одна за другой. Увидев незнакомку, стая тут же начала разворачиваться в «боевой» строй. Мелкие собаки – впереди и по краям, остальные – в центре фалангой. Арна сразу поняла, что встреча не предвещает ничего хорошего. От нее пахло теплым жильем, постелью хозяина, утренней кашей с мясом, в конце концов. Она была здесь не просто чужая – а еще и покусившаяся на их территорию и пищу. Стая была голодной, и ей было все равно кого загонять и рвать на куски – попавшуюся на пути кошку, зайца в поле или незнакомую собаку.

Арна, хотя и отличалась добрым нравом, все-таки была крупной собакой и за свою достаточно долгую собачью жизнь повидала довольно много. Несмотря на то, что она была самкой, ей все же приходилось несколько раз вступать в бой с «отмороженными» кобелями других, не охотничьих пород – овчаркой, ротвейлером. Драки эти были непродолжительными, но жестокими. Ее хозяину даже пришлось однажды везти ее ветеринару и накладывать швы на порванном боку. Но теперь она понимала, что предстоящий бой будет, возможно, последним. Отступить и убежать было некуда. Мелкие собаки по всем правилам загонной охоты уже окружили ее, отрезая пути к возможному отступлению. Впереди стаи первой на нее неслась ее предводительница. Кобели из-за своего роста и неуклюжести немного отстали. Это и спасло Арну. Во встречном прыжке она сбила с ног и подмяла под себя набросившуюся на нее собаку. Зубы ее сомкнулись на ее шее и пронзили шкуру, несмотря на густую и вонючую шерсть, которая ее покрывала. Дворняга-предводительница, не ожидавшая такого отпора, громко заверещала от страха и боли. Но, бежавшие за ней кобели, уже были рядом, готовые наброситься и разорвать незнакомку, вторгшуюся в их владения.

И тут Арне повезло еще раз! У нее в это время как раз заканчивалась течка, но от нее еще пахло тем сумасшедшим, сводящим с ума кобелей запахом, против которого они бессильны и беспомощны. И они учуяли этот запах, они остановились, не в силах заставить себя броситься и растерзать наглуемую псину, вломившуюся на их территорию и напавшую на их предводительницу. Сгрудившись кучей, они застыли неподалеку. Арна стояла над поверженной соперницей и громко рычала, не разжимая челюстей. А та, поняв, что битва проиграна, лишь громко скулила, лежа на спине, всячески показывая, что она сдается. Поняв, что больше ее никто не осмелится тронуть, Арна разжала челюсти. Кобели по одному, начали подходить к ней «знакомиться», виляя хвостами и своим видом всячески показывая, что инцидент исчерпан, и Арна теперь в их стае.

Так началась ее новая жизнь. Жизнь эта не отличалась многообразием – ежедневные походы сначала утром на свалку, потом, в той же компании, бежали к окраинным местным городским магазинам и мусорным бакам. В стае все было отлажено. И, если на свалке, рылись каждая собака поодиночке, пытаясь что-нибудь найти, то мусорные баки проверялись другим способом. Мелкие собаки, отличающиеся прыгучестью, в них запрыгивали, разрывали мусорные пакеты и раскапывали что-нибудь съестное. Большие же собаки в это время, учуяв запахи пищи, доносящие из бака, становились на задние лапы и пытались перевернуть его. Иногда это удавалось сделать – и тогда вся стая разгребала по округе мусор, за что и бывала неоднократно гоняема местными жителями, которым такая самостоятельность совсем не нравилась. Десяток взрослых, «диких» собак внушали своим видом отнюдь не добрые чувства. Стаю обходили стороной и взрослые, и дети. Местные дворные собаки из окраинных улочек – тоже. Никто из них не рисковал приблизиться к собачьей банде. Но были и потери. То кто-нибудь из стаи съест такое, чего даже натренированный собачий желудок выдержать не может, и в

муках, скорчившись, помрет среди поля, то какую-нибудь собаку во время ежедневной перебежки оживленного шоссе собьет машина – и только визг тормозов и жалобный предсмертный собачий возвестят об этом. То на «родной» свалке бомжи устроят какую-нибудь очередную ловушку, навесив охотничьих петель и разбросав вокруг какой-нибудь вонючей вкуснятины. Стая несла естественную убыль и от болезней. Собаки ведь тоже болеют, как и люди. Но она не уменьшалась. Из города прибегали новые, брошенные кем-то собаки. Одних принимали в стаю, других съедали.

Но все равно, все эти мелочи были ничто, по сравнению с чувством постоянного голода, которое не проходило никогда. Насыщение было редким. За те несколько недель, которые Арна провела в стае, она и забыла, что такое сытость. Вся ее прошлая жизнь казалась какой-то выдумкой. Чувство тоски по хозяину, по дому притупилось из-за постоянных стычек с другими собаками за пищу, из-за холода, который преследовал ее тоже постоянно. Заканчивалась крымская осень. Зима в Крыму наступает довольно поздно. А настоящие холода приходят вообще только в феврале-марте. Сейчас стоял ноябрь. Лили дожди. Сквозь низкие, фиолетовые облака изредка пробивалось солнце, но уже почти не грело. Все старожилы стаи имели густую шерсть, позволяющую не очень опасаться морозов. Но Арна была короткошерстной легавой и мерзла, очень сильно мерзла каждую ночь, свернувшись клубком под каким-нибудь очередным деревом, под которым ей приходилось ночевать. У нее появился друг – криволапый, небольшого росточка, черно-белый куцехвостый кобелек. Он давно уже был в стае, знал все ее повадки, и, вначале, подсказывал Арне, где можно на свалке найти больше пищи, негромким лаем призывая ее к нужным местам. Арна тоже делилась с ним, если было, чем поделиться. А самое главное – она его защищала от других собак, которые увидев, что их собрат нашел съестное, всегда это «что-то» пытались отобрать у него. И «куцехвост», поняв это, всегда удирали с каким-нибудь куском в зубах к Арне, чтобы рядом с ней беспрепятственно его слопать, зная, что она не отберет у него этот кусок. Ночью же, когда стая располагалась на ночлег, он всегда устраивался у нее между лап, согревая ее почти «голый» бесшерстный живот. Так они и спали, свернувшись одним большим клубком.

А однажды «куцехвоста» не стало. В стае всегда большие и сильные собаки не церемонились с мелкими. Отбирали у них съестное, если успевали. Если у какой-либо собаки случалась течка и начинались «свадебные» игры – то в такой период мелким собачкам-кобелькам всегда доставались болезненные укусы, а порой, и смертельные. Вот так и «куцехвост» попал под раздачу, когда здоровенный кобель просто перекусил его пополам. Арна все это видела, но что могла она сделать? Бедный «куцехвост», жалобно скуля, лежал на земле, перебирая передними лапами и пытаясь встать на задние, которые уже не слушались его. Он умирал несколько дней, всеми покинутый. И только одна Арна приходила к нему, принося те немногие куски пищи и косточек, которые ей удавалось найти.

Однажды вечером, когда она вернулась с очередного «рейда», она нашла только обглоданные косточки, разбросанные по поляне. Вокруг, на уже заснеженных ветках, еще сидели вороны, жадно посматривающие вниз и перекаркиваясь друг с другом. И только клочки черно-белой шерсти напоминали о том, что недавно здесь еще что-то «живое» дышало и мучилось.

Арну обуяла тоска. Нет, не простая тоска, а настоящая – смертельная. В этот миг она по-настоящему поняла, что такое одиночество. Ничто ее больше не удерживало в стае. Вечерний мороз крепчал, и Арна поняла, что эту ночь в поле она, как и «куцехвост», тоже не переживет. Начало смеркаться. Вдали засветились огни далекого города. Где-то там, далеко, в городе был ее хозяин и ее дом. Арна тяжело вздохнула и, не оглядываясь, побежала в сторону города.

Глава 2

А в это время, Лёшка, а вернее – Алексей Анатольевич (именно так его называли коллеги по работе), лежал в палате неврологического отделения городской больницы с инсультом. Как это часто бывает в жизни, все плохие события начали происходить одно за другим. Недаром

же была придумана пословица «Пришла беда – отворяй ворота». Закономерность эта была подмечена еще нашими далекими предками, воплотившись в простую, но весьма точную словесную формулировку. Так и у Лёшки – все началось с мелких неприятностей на работе, не имеющих, казалось бы, к дальнейшим событиям никакого отношения, а закончилось тривиальной больничной койкой.

Но все по порядку. В последние годы своей довольно богатой на приключения рабочей биографии Лёшка работал в престижном государственном учреждении фотокорреспондентом. Это место было «вершиной» его творческой карьеры, которую он начинал еще, будучи совсем молодым, неоперившимся учеником одного из известнейших фотохудожников Крымского полуострова Марка Яблонского. В конце восьмидесятых годов прошлого столетия всю «господствовала» Её Величество «черно-белая фотография». Фотографы того времени, для того чтобы добиться какого-нибудь дизайнерского эффекта, должны были уметь не только вручную ретушировать свои работы, но всяческими, «тайными» для других способами добиваться особенных эффектов художественности. Любой любитель, занимавшийся когда-либо съемкой на старые фотоаппараты того времени, помнит, как тяжело было правильно выставить на них выдержку и диафрагму. Все зависело от оптики – не даром, лучшими фотоаппаратами того времени считались знаменитые «ФЭД» и «Зенит», экспортируемые, в основном, за границу. Были, конечно, и модели попроще – вроде «Смены», при применении которых не нужно было особо ломать голову над выставлением нужных параметров – ясная погода обозначена «солнышком», облачность – «тучкой». Выставляй себе нужные параметры – и «щелкай», сколько душе угодно. И стоил этот «фотик» копейки, даже по ценам того далёкого социалистического времени. Зато применение имел самое широкое. Это была совершенно неприхотливая фотомашинка, которую можно было из-за малого веса и небольших габаритов легко уложить в карман и взять с собой на прогулку в лес, на речку или в турпоход. И при этом, эта самая «Смена» гарантировала достойную четкость и яркость снимков. Если ещё глубже проводить сравнительный анализ, то её, шутки ради, можно сравнить разве что с автомобилем «Запорожец». Тоже развесёлая была модель позднего социалистического производства – неприхотливая в эксплуатации, малолитражная машина, на которой, тем не менее, можно было из-за её высокой проходимости, проехать по любой просёлочной дороге, а случае поломки в ходовой или другой части, легко её устранить, используя любые подручные материалы. Таким же был и фотоаппарат «Смена». Он, конечно, не использовался профессионалами, но для рядового фотолюбителя был своеобразным подобием автомобиля «Запорожец».

Лёша, конечно, даже будучи совсем начинающим фотографом, никогда не пользовался подобной техникой. Хотя и разбирался в ней досконально. Потому как технику эту ему приходилось еще и чинить своими силами, иной раз собирая из нескольких моделей «дорогих», но поломанных фотоаппаратов – один, но действующий. Главной деталью в них была, конечно, оптика. Вот что-то, а её то делать в СССР умели. Не даром ведь все отечественные советские фотоаппараты изготавливались на знаменитых ленинградских оптических заводах, истинным предназначением которых было изготовление оптических военных систем в первую очередь для «оборонки», а остальное производство называлось «ширпотребом» и считалось сопутствующим. В то время это было в порядке вещей. Заводы, на которых собирали телевизоры или магнитофоны, на самом деле изготавливали в спеццехах и какую-нибудь секретную аппаратуру для подводных лодок и кораблей или для систем космического слежения. Все производства имели «двойной» план – для выпуска «гражданки» и для спецзаказов для армии и флота. Лозунг «Всё для фронта, для Победы!», по большому счёту, никогда и не снимался с повестки дня. Его просто-напросто слегка изменили, согласно новым требованиям времени.

Лёша столкнулся с этим явлением ещё в юности – сначала во время срочной службы в Советской Армии. И потом – после окончания Одесской «мореходки» – на судах, на которых он «матросил» несколько лет, побывав за короткое время во многих зарубежных портах. Он

достаточно быстро убедился сам, что известная латинская поговорка «Хочешь мира – готовься к войне!» всюду применяется везде, в том числе и в работе гражданского флота, когда под видом «братской помощи освобожденным народам» их пароход привозил в Анголу и другие подобные «развивающиеся» страны военную технику и специалистов для её обслуживания.

Надо сказать, что жизнь на флоте была в то время достаточно интересной, особенно для молодого моряка – новые страны, впечатления, знакомства. Но, что особенно ценилось на родном берегу, это была возможность получения зарплаты в так называемых «бонах», то есть денежных сертификатах. На них тогда в специально открытых магазинах импортных товаров под специфическим названием «Берёзка» можно было приобрести многие предметы роскоши, являющиеся «дефицитом» – начиная от хорошей финской или французской обуви и парфюмерии и заканчивая магнитолами, видеомэгнитофонами марок «Сони» или «Филипс» и даже мебельными «стенками». Ко всему этому моряки еще «подрабатывали», конечно, и легкой контрабандой, привозя с собой и реализуя вошедшие тогда в моду заграничные джинсы, майки и даже только-только появившиеся в обиходе пластиковые пакеты и электронные часы. Заработки в «загранке» были высокими, и попасть на суда советского торгового флота было проблематично. Но Лёшка попал. «Попал» он и от результатов своих «морских» трудов, познакомившись однажды в Николаеве с юной оболстительной девой, которой в то время показалось, что «у этого морячка всё есть – и всегда всё будет». Попервоначально, так оно и было – задорный роман обеспеченного по советским меркам, молодого человека с юной провинциалкой из деревни, «пыль в глаза и шампанское в постель», громкая свадьба и переезд в родные крымские пенаты под мамино крыло в громадную четырехкомнатную квартиру, новая работа, рождение дочки. Всё это закончилось относительно быстро – несколько томных лет, и жена стала «бывшей», быстро сообразив, что с Лёшки, забросившего «хождение в моря», теперь взятки гладки. Работает простым фотографом, причём, подолгу не задерживаясь на каком-либо месте. То в какой-нибудь малотиражной местной районной газетке, типа «Ленинец» или «Комсомолец», то «подсобником» у известного, по местным меркам, даже знаменитого фотографа. Шикарная жизнь, которая виделась в начале супружества, обернулась довольно неустроенным бытом да еще и с неясной перспективой благополучия. Дело закончилось разводом. Причем дочка осталась жить у Лёшки, и все отцовские обязанности, а заодно и материнские, ему пришлось исполнять самому, не особо надеясь на помощь престарелой матери.

Так прошло несколько лет. Результатом их было то, что в начале девяностых Лёшка, всё таки «приобрёл имя» в местных творческих кругах. Удалось устроиться на работу в крупное издательство, организовать несколько престижных фотовыставок, поучаствовать в оформлении множества книг и фотоальбомов. Жизнь как-то нормализовалась – появились «нужные» знакомства, дополнительные заказы. И ещё появилась профессиональная мечта! Издать собственный альбом с фотографиями в жанре «ню», то есть с обнажённой женской натурой. Идея заключалась том, чтобы все снимки должны быть сделаны на фоне великолепной крымской природы, а образы девушек-моделей – символизировать силы природы, явленные нимфами и музами древнегреческой античной мифологии. Для осуществления своего замысла Лёша часто и продуктивно применял свой разговорный талант оболстителя женских сердец. И хотя внешностью своей он не блистал (Лёшка был небольшого роста, кругленький, склонный к излишней полноте), но отсутствие атлетического сложения с лихвой компенсировал искрящимся остроумием, весёлостью нрава и общительностью, что позволяло ему с лёгкостью находить общий язык с любой собеседницей. Качества эти в профессии фотохудожника являются незаменимыми и стоят наряду с наличием художественного вкуса и умением находить удачные ракурсы. Тем более, когда дело касалось съёмок такого специфического фотоматериала, как обнажённая человеческая натура.

Это сегодня подобными фотосессиями никого не удивишь. А многие «продвинутые» девицы, для того чтобы «устроить» своё будущее, сами приходят в фотосалоны для создания

«портфолио», в котором демонстрируют свои обнажённые формы, да еще и платят за это большие деньги. А тогда, в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого столетия убедить девушку «раздеться» для съёмки было делом, ох каким непростым! И тем более – сделать это не в студии, где тепло и относительно комфортно, а вывезти её сфотографироваться где-то на фоне пустынного берега моря или какого-либо горного пейзажа, да ещё и в нужном образе. Для этого мастер должен обладать талантом убеждения. Все средства были хороши – от словесных комплиментных рулад, анекдотов и показывания нехитрых фокусов с монетками или картами, на которые Лёшка был большой мастак, до уверений девиц в «красоте неземной», кратковременности «цветущей» юности, которую надо обязательно запечатлеть для грядущих потомков. Обещания, что эти фото принесут им в будущем гонорары от реализации готовой продукции в виде календарей, рекламных буклетов, тоже хорошо срабатывали. Все средства были хороши! Но в такой работе случались и непредвиденные накладки, которые иногда сильно усложняли Лёшкину жизнь. Времена были «веселые», местами очень даже «бандитские», а Лёшка, при всём своём фотографском профессионализме, был весьма любвеобилен, из-за чего частенько и страдал. Приходилось ему и из собственной мастерской, расположенной аж на третьем этаже, спускаться по стволу растущего рядом с окном дерева, приходилось и прятаться, иногда по несколько дней, у друзей, скрываясь от ревнивых ухажёров своих моделей, приходилось и быть битым ими же. Всяко бывало! И, надо сказать, что переживал он все эти приключения весьма достойно, нисколько не изменяя своему естеству. То есть – продолжая действовать в том же духе. Вот ведь, какие невзгоды не перенесёшь ради «мечты» издать свой собственный альбом?

Прошли годы. Кардинально изменилось общество, выросли новые поколения, да и фототехника тоже изменилась. Сегодня «фотошопом» можно сделать всё! Убрать ненужное, добавить необходимое. Из любой уродины можно сделать красавицу, и наоборот. Но, почему-то, стремительно возвращается мода на ретро – черно-белую фотографию. Видимо, есть в ней что-то такое, что будет еще долго притягивать к себе подсознание публики. А альбом свой Лёшка так и не издал – не нашёл богатого спонсора.

Сама по себе такая работа для Лёшки была особым видом азартной охоты за «красивой дичью», в качестве которой служили молоденькие девушки. А азарта у Лёшки было хоть отбавляй! И поэтому, когда его друг Влад, частенько помогавший ему в натуральных съёмках на природе, вдруг увлёкся настоящей охотой на натуральную дичь и начавший брать Лёшку с собой в поле сначала просто так, составить компанию, погулять, выпить водки на природе под горячую охотничью шурпу, предложил ему тоже купить ружье и вступить в «Общество охотников» – Лёшка тут же согласился. Сам по себе охотничий процесс увлёк Лёшку донельзя! Вначале он ходил на охоту простым наблюдателем. Но это было всего несколько раз. Скучновато всё-таки просто идти рядом и смотреть по сторонам, не держа в руках оружие. Поэтому, когда Влад купил себе ещё одно, но уже двуствольное ружьё, в дополнение к своей первой одностволке «Иж-18», которая у него была, он начал брать с собой Лёшку на охоту, давая ему попользоваться вторым ружьём. Это было, конечно, нарушением действующих норм. Ведь по правилам нельзя давать своё оружие в руки человека, не имеющего на это право. Да ещё и позволять ему охотиться! Но кто из нас не нарушал в жизни какие-то правила? Так и Влад рисковал, конечно. Но чего не сделаешь ради друга? Егерь по прозвищу Карась в угодьях, где он охотился, был ему хорошо знаком уже много лет, поэтому его он не опасался. Неприятности могли возникнуть только в случае встречи с коллективной проверкой, в которой обычно участвуют представители нескольких ведомств – «природоохраны», милиции и других. Вот тогда бы могли возникнуть серьёзные неприятности, вплоть до изъятия оружия, крупного штрафа и лишения «охотничьих прав».

Сами угодья располагались недалеко от города – пригородный рейсовый автобус ходил в близлежащую деревню часто. Удобное расположение охотугодий между несколькими сёлами

позволяло возвращаться домой из разных мест. Места эти были достаточно «богаты» дичью – на рукотворных озёрах, цепью протянувшихся одно за другим, заросших камышом и осокой, гнездились местные кряквы, а в октябре их часто посещали и перелётные утки; в сентябре – в буряковых и морковных полях-огородах облюбовывали перепелиные высыпки; в лесополосах и заросших высокой травой многочисленных пустошах обитали многочисленные стаи куропаток; в яблоневых садах и на лавандовых полях водились зайцы. И, конечно же, эти лесополосы и сады, начиная с середины октября, являлись любимым прибежищем перелётных вальдшнепов. И что там говорить о лесных голубях? Там их было не меряно!

После первого же охотничьего сезона, проведенного Лёшкой в качестве активного участника-наблюдателя, он принял решение тоже стать полноправным охотником. Ведь когда появляется охотничий азарт, то все остальное – это уже дело времени. Уже следующей весной он сдал охотничий минимум – экзамен, предшествующий вступлению в «Общество охотников», приобрел неплохое ружье, обзавёлся патронташем, гильзами и прочей охотничьей амуницией. Постепенно, круг его охотничьих знакомств расширился. Появились новые друзья-охотники. И почти у всех у них были охотничьи собаки.

После нескольких совместных охот Лёшка понял, что разница в поле между простым «топтуном», который бредёт «наобум Лазаря», не зная, в какой момент у него из-под ног вылетит дичь, и охотником, перед которым бегают его верный четырёхлапый друг, становящийся в стойку и дающий возможность подойти поближе и изготовиться к выстрелу, очень большая. Поэтому решение «завести» свою собственную собаку он принял, не раздумывая особенно долго. Другое дело, что опыта в подобном деле у него не было никакого. Лёшка не особо разбирался в породах собак, в документальных требованиях подтверждения их родословного происхождения и прочих нюансах, связанных с кинологическими особенностями. А у Карася, егеря из угодий, в которых Лёшка охотился, как раз оценилась собака породы типа курцхаар. Почему «типа» – да потому, что документов каких-либо на эту собаку у Карася и близко не было, «ввязал» он её неизвестно с каким кобелем – вроде бы, тоже курцхааром, и тоже без всяких документов и соответствующих разрешений Крымского отделения «Федерации охотничьих собак».

Карась жил бедно. При наличии трёх детей ютился в однокомнатной малосемейной квартире с печкой-буржуйкой на кухне, потому как центральное отопление в селе в первое же десятилетие «незалежности» отключили, а котельную разобрали на металлолом. Обогревались, кто, чем мог! Собаки Карася (а их у него было несколько) отличались редкостной худобой. Кормил он их по «остаточному принципу» – что нашли на улице, то и твоё. В поле было то же самое: несмотря на свои великолепные охотничьи качества, карасёвские собаки постоянно конкурировали с хозяином в вопросе первенства нахождения сбитой дичи. Нередко бывало, что собака опережала Карася, не успевшего обогнать своего помощника, и просто-напросто сжирала будь-то перепёлку или сбитую им куропатку, убежав с нею в ближайшие кусты.

Лёшка «купился» на цену за щенка. Она была совсем символичной. Карасю надо было раздать собачье потомство хоть кому-то, независимо от того, охотник он или нет.

– Сколько стоит будет? – задавал Лёшка вопрос Карасю.

– Да забирай хоть даром, а стоит будет пятьдесят гривен! – отвечал хитрый Карась.

Честно говоря, и Влад, и другие Лёшкины друзья-охотники не знали деталей договора – они были уже поставлены перед самим фактом появления у Лёшки замечательного полуторамесячного щеночка, с которым он почти не расставался, беря его с собой на работу и проводя с ним всё своё свободное время. С кличкой тоже проблем не возникло. В центре города был большой оружейный магазин, в котором продавалось всё, необходимое для охоты – начиная от одежды, и заканчивая самыми современными дорогими итальянскими ружьями. Назывался он «Арма». Лёшка дружил с хозяином магазина, оказывая ему небольшие мелкие профессио-

нальные услуги – даря охотничьи фото для рекламных буклетов и календариков с названием магазина. Недолго думая, он и свою любимицу назвал почти так же, как назывался и магазин.

Арна росла быстро и уже к концу первого года превратилась в красивую и очень подвижную собаку. У неё было непревзойдённое, великолепное чутьё. Именно этим качеством она выгодно отличалась от других своих однопородников-курцхааров. Быстрота хода у неё тоже была, не свойственная породе, а скорее напоминающая работу быстроногих и стремительных пойнтеров. Но были и свои недостатки. Очень долго Лёшка пытался приучить Арну «ходить челноком». Это врожденное свойство лучших охотничьих собак не было передано ей по наследству. Видимо, тут сказались именно те наследственные факторы, о которых любят упоминать эксперты. Если несколько поколений представителей породы не охотятся, то и определенные навыки не передаются потомству «с молоком матери». И хотя собака Карася была и подружейной, но папашка Арны был явно из «дворовых» курцов. И что только не делал Лёшка для того, чтобы возродить это качество – «челнок» – у своей любимицы.

Влад как-то пошёл гулять с ним и с Арной в близлежащий от Лёшкиного дома сосновый лесок с громадной просекой под высоковольтную линию посередине и оказался невольным свидетелем Лёшкиной дрессировки Арны. Он зизгагообразно раскладывал куски колбасы по краям просеки через каждые тридцать-сорок метров и вёл её потом на длинном поводке, тщетно пытаясь хоть таким способом приучить к «челноку». Но не помогло! В поле Арна вытворяла, что хотела, убегала от Лёшки метров на триста, нисколько не обращая внимания на постоянные свистковые трели надрывающегося хозяина. Ей было всё равно, кто охотится рядом – Лёшка или его друзья. Поэтому часто и густо, когда она находила дичь, став в красивейшую стойку, Лёшкины друзья, идущие цепью по полю, вынуждены были стрелять сами, не дожидаясь, пока хозяин собаки, пыхтя и ругаясь, подбежит к ней.

Зато дома, в квартире, Арна была «само послушание», беспрекословно выполняя команды «сидеть-лежать-место-лапу» и прочие. Она могла лечь в холодную осеннюю лужу, выполняя прихоть куражившегося подвыпившего Лёшки, могла держать по несколько минут на носу кусок колбасы, истекая при этом слюной и «закатив» в колбасную точку глазки, съев её потом только по команде хозяина. Много чего ещё могла делать Арна. Но самое главное – она беззаветно любила своего Лёшку. А он, по-своему конечно, платил ей ответной любовью, явно перекармливая её. Да так, что к восьми годам она превратилась в кругленькую бочкообразную толстуху с широченной спинякой и весом почти в полцентнера. Правду говорят, что хозяин и собака со временем становятся похожими друг на друга. Лёшка ещё с юности был склонен к полноте, а к пятидесяти годам склонность переросла в настоящую округлость. И теперь, ведя рядом на поводке Арну, своим внешним видом он только подтверждал истинность народной приметы.

А жизнь проистекала своим чередом. С годами, Лёшка не переставал быть таким же весёлым и жизнерадостным. Он всё так же хохмил и показывал фокусы молоденьким девочкам и приглянувшимся дамам среднего возраста, много ездил по Крыму по работе, сопровождая всяческих высокопоставленных лиц, ездил с друзьями на охоту. Дочка выросла, вышла замуж и переехала жить к мужу, умерла старенькая мама. И остался Лёшка жить один с Арной в своей здоровенной, но неухоженной квартире. Нет, различные попытки «упорядочить» свою личную жизнь у него, конечно, были. Некоторые «дамы его сердца» даже, бывало, жили у него по несколько лет. Но рано или поздно – все они, по разным причинам, покидали его жилище и «уходили» из его жизни.

И только Арна всегда оставалась рядом. И в горе, и в радостях, которыми иногда одаривала Лёшку жизнь. Её светящиеся преданностью жёлтые глаза, неизменный восторг при возвращении домой, в каком бы виде он не пришел, лёгкое, укоряющее поскуливание при уходе на работу – всё это стало уже для Лёшки настолько привычным и необходимым, что он даже не задумывался о том, чтобы было бы, если б рядом не было Арны!

Глава 3

И вдруг Арна исчезла. Исчезла совершенно внезапно, во время утренней прогулки, забежав за угол близлежащей пятиэтажки. Лёшка только что её видел – и вот, минута, и её не стало. Сначала Лёшка совершенно не обратил внимание на её отсутствие. «Ну, забежала за угол, сейчас вернется» – подумал он, продолжая разговаривать с симпатичной соседкой по подъезду, которая тоже вывела погулять во двор свою таксу. Такое уже случалось, и не раз. Лёшка знал, что Арна далеко не убегает. «Да и куда ей тут бежать-то. Сделает свои дела, загонит из спортивного интереса кошку какую-нибудь на дерево и примчит обратно» – ещё раз подумал Лёшка минут через десять.

Но и через пятнадцать, и через двадцать минут Арна не появилась. К тому времени Лёшка уже обсвистелся в свой свисток, призывая Арну вернуться, и обойдя вокруг несколько окрестных домов-девятиэтажек.

Нигде её не было. И под подъездом, как это иногда бывало, когда Арна ненадолго отлучалась и прибежала к дому самостоятельно, её тоже не было!

Лёшка посмотрел на часы – пора было уже ехать на работу. Сегодня предстояли какие-то очередные выездные съёмки. Но Арны-то не было, её надо было искать. А где? Однажды, лет шесть тому назад, подобное уже случалось. Когда Лёшка был в недолгой командировке, его старенькая мама вывела тогда ещё молодую и неопытную Арну, на прогулку. А та взяла да и умчалась в неизвестном направлении. Но вечером, голодная и грязнущая, нагулявшись по микрорайону, самостоятельно вернулась обратно.

Глубоко вздохнув от огорчения, Лёшка достал мобильник из кармана и позвонил на работу:

– Не ждите меня сегодня. Собака пропала, буду искать, – сообщил он коллегам.

Ещё раз, безрезультатно обойдя ближайшие и дальние дворы и убедившись, что Арны там нет, Лёшка вернулся домой, взял ружьё и несколько патронов, и вышел на улицу. Улица, на которой стоял его дом, когда-то, еще лет десять назад, была окраиной города. Здесь заканчивался жилмассив микрорайона, и начинался рукотворный сосняк, высаженный еще в начале шестидесятых годов прошлого столетия. Сосны со временем выросли, в них поселились белки, зайцы, лесные голуби. Жители района любили свой сосняк – по нему были найдены целые пешеходные дорожки, по которым любили гулять и молодые мамы с колясками, и молодёжь, устроившая в нём несколько бадминтонных площадок, и собаководы со своими питомцами. Но город разрастался, и сосняк, со временем, оказался «зажатым» между старыми строениями и вновь построенными частными домами. В нём-то Лёшка и гулял почти каждый день со Арной.

Вот и сейчас, подумав о том, что может быть она забежала за какой-нибудь своей «собачьей подружкой», туда он и направился. Углубившись во внутрь массива, и не прекращая при этом призывно свистеть в знакомый Арне свисток, он ещё с полчаса безрезультатно ходил по лесу. Отчаявшись, расчехлил ружьё и несколько раз, вопреки всем правилам (ведь он был практически в парке), выстрелил в воздух. Он надеялся, что Арна, если она где-то рядом, услышав выстрелы из знакомого оружия, прибежит на их звук. Но всё было напрасно. Арна не прибежала! Не прибежала она и вечером, и на следующий день – тоже. А все поиски по окрестностям оказались напрасными.

Вечером Лёшка напился. Он расстроился так, как, наверное, ещё ни разу в жизни не расстраивался. Без Арны квартира опустела. В ней стало пусто и, по-настоящему, одиноко. Никто не крутился рядом, преданно заглядывая в глаза, выпрашивая ещё что-нибудь вкусенькое. Некому было вечером плюхнуться в ноги на Лёшкину холостяцкую постель, согревая её своим тридцативосьмиградусным телом! Некого было утром кормить и вести на прогулку! Не с кем было ехать на охоту (а ведь сезон ещё не закончился)!

Лёшка затосковал! Водка не помогала – наоборот, с мучительной ясностью вспоминались все лучшие эпизоды их совместной жизни. А вспомнить было что! Сколь замечательных охот было позади! Сколько радости было в их общении!

Последние несколько лет Лёшка, не имея своего автомобиля, приохотил к поездкам в поле своего соседа по подъезду, который, как казалось вначале, был неплохим мужиком. Звали его Олег, и был у него «джип отечественного разлива» под названием «Нива». Олег этот оказался парнем не простым – депутатом какого-то районного совета, выходцем из западных областей Украины, переехавшим жить в Крым после того, как он женился на местной девушке. И держал он в селе, расположенном недалеко от города, рядом с домиком, который он выгодно купил по случаю, довольно большую пасеку. Лёшка и познакомился с ним, покупая у него вкуснейший мёд. Весь предыдущий охотничий сезон Олег возил Лёшку и компанию его близких друзей-охотников – Влада и Андрея, в поле. И у Лёшки, и у Влада к тому времени было уже несколько зарегистрированных ружей и иногда, то один, то другой, брали их для Олега, которому охота тоже страстно нравилась. И, когда поблизости не было никого постороннего, он с удовольствием принимал в ней самое азартное участие. В первое время он казался всем «рубахой-парнем» – веселый, ответственный – никогда не опаздывал, когда куда-либо ехали, не пьющий (кстати, это одно из качеств любого пчеловода, пчёлы на дух не переносят алкоголь), прекрасный эрудированный собеседник. Казалось бы, что ещё надо для общения с человеком на природе?

Через год Олег тоже стал официальным охотником. Купил хорошее ружьё и продолжал охотиться с Лёшкой и компанией уже на законных основаниях. Но была в нём одна черта характера, которая выявилась уже в процессе дальнейшего с ним общения. И эта черта полностью перечеркнула все его достоинства – он оказался жадным. Причём, выявилось это далеко не сразу. Всё началось с мелочей. Все члены небольшого коллектива сбрасывались на бензин для поездок. Километраж поездок легко было просчитать и «вычислить», сколько же денег надо потратить на топливо. Олег, пользуясь своим привилегированным положением хозяина машины, со временем перестал стесняться и начал «драть по три шкуры» со своих компаньонов, явно раза в полтора завышая истинную стоимость поездок. Ну, да с этим можно было бы и смириться! Смириться можно было даже и с тем, что он никогда не брал с собой продукты для дневного перекуса и всегда «падал на хвост» остальным. Но когда, как-то глубокой осенью, он просто-напросто украл подбитого Владом зайца, скрытно подобрав его и спрятав в траву от друзей, а потом, втихую, перенеся в машину и «закопав» среди вещей, терпение небольшой компании лопнуло. Олег был отлучен от коллектива и послан подальше. Но Лёшкиным соседом, тем не менее, он оставался, продолжая ездить на своей «Ниве» и не здороваясь больше с Лёшкой при случайных встречах у подъезда.

Никто из Лёшкиной компании, ни Влад, ни Андрей, не знали, с кем он и где продолжает охотиться. Да и желания с ним общаться больше ни у кого не было. Но Олег не забыл обиды и не простил, в первую очередь, Лёшке своего позора, когда в ту злополучную охоту, заяц был обнаружен Арной, полезшей в Олегов рюкзак, и уронен случайно ею на землю.

Жадность и мстительность – эти два отвратительные качества человеческой натуры всегда были рядом, как бы дополняя одно другое. Есть и еще одно, которое неотделимо от первых двух – трусость. Но в нашей повседневной жизни это третье качество проявляется довольно редко и только при определенных обстоятельствах. А вот первые два, к сожалению, встречаются часто. Этому всячески способствуют нынешние нравы и уклад жизни современных ново-явленных собственников, ещё недавно тщательно изучавших Устав ВЛКСМ и КПСС, а ныне занимающихся безоглядным и безудержным накопительством и стяжательством.

Вспомнив о своём «соседе», Лёшка понял, что исчезновение Арны – не случайно. Машины Олега под подъездом не было, хотя когда они выходили с ней гулять, она ещё стояла. А машину эту Арна прекрасно знала, как и её водителя – ещё бы, столько лет вместе ездить

на самое прекрасное для собаки дело – охоту! От осознания содеянного Олегом у Лёшки, от нахлынувшей боли и огорчения, внезапно закружилась голова, ноги стали ватными и непослушными, а грудь как будто бы сдавило железным обручем. Он с трудом, непослушными пальцами, набрал номер телефона своей знакомой, с которой его связывали в последнее время не только рабочие отношения, и невнятно (почему-то язык стал ватным и почти не слушался), глухо попросил её:

– Анечка, приезжай, если сможешь быстрее! Мне совсем-совсем плохо...– и выронил трубку.

Очнулся он уже в реанимационной палате местной городской больницы.

Глава 4

Арна, не оглядываясь, бежала в сторону далеких городских огней. Было холодно. Её короткая шерсть совершенно не защищала от мороза. Она бежала через большое, заросшее сорняками поле, потом – через какие-то заброшенные строения промзоны, через железнодорожную станцию, забитую дурно пахнущими нефтью и бензином цистернами. Она бежала к теплу и к пище, которой так не хватало ей в последние недели её бродячей жизни. По дороге её обгавкала какая-то стая местных дворняжек, ревностно охраняющих свою территорию от чужих. Но Арна не обратила на них особого внимания, увидев на краю города знакомые очертания пятиэтажек, так напоминающие ей о её родном доме, в котором она провела всю свою собачью жизнь.

Когда она приблизилась к ним, то сразу же поняла, что схожесть только внешняя. Никаких знакомых запахов, никаких знакомых собак и ориентиров. Только зевы подъездов, из которых так вкусно пахнет чем-то съестным и веет теплом.

Арна в нерешительности остановилась возле полуоткрытой двери одного из подъездов, но промозглый предзимний уличный холод был так силён, что она всё-таки решилась зайти вовнутрь и подняться на лестничную площадку. На ней она забилась в уголок и свернулась клубком. Арна устала, ей было страшно, одиноко и голодно. По дороге попала какая-то небольшая корка хлеба, которую не доели местные дворняги, да ещё старая, сильно обглоданная уже кем-то косточка. Вот и весь её завтрак, обед и ужин за целый день. Но зато было тепло. Подъезд оказался отапливаемым – вдоль стен висели горячие батареи. Жители дома, поднимаясь по лестнице, с опаской поглядывали на большую, но красивую, явно породистую собаку, забившуюся в угол и явно не желавшую уходить на улицу. Пробегали мимо и дети.

– Ой, мама, смотри какая красивая собачка! – теребила одна из девочек свою маму за рукав. – Давай возьмем её к себе жить!

Мама, явно не желающая иметь дома взрослую, чужую собаку, тянула её за руку, обещая:

– Мы её лучше покорим, а жить она пойдет к себе домой!

Через некоторое время перед Арной появилась миска с разными давно забытыми вкусами – куриными косточками, остатками тёплого супа с хлебом. Со всем этим съестным добром она расправилась буквально в доли секунды, благодарно глядя в глаза девочки, которая всё это ей принесла.

– Ну, вот. Теперь будешь жить у нас в подъезде, – сказала ей девочка и ушла к себе.

И действительно – ни у одного из жильцов подъезда не поднялась рука выгнать её на улицу. Подъездные кошки и коты тоже быстро привыкли к её присутствию. Сначала они весьма её опасались, шипели, а некоторые – самые смелые (или, вернее – глупые), даже пытались нападать на неё. Но, после того, как убедились, что угрозы от Арны не исходит, смирились и уже чинно, не торопясь и не задираясь, шествовали мимо. С одной рыжей кошкой Арна даже подружилась. Дело было поздним вечером. Кошка, нагулявшись на улице, решила вернуться домой, в квартиру. Но, то ли дома никого не оказалось, то ли тихо просилась – пришлось ей ночевать на Арниной лестничной площадке. Самым тёплым местом оказался бок Арны, лежавшей на коврик, который ей подстелила мама той самой девочки, которая теперь её кор-

мила. Так они и провели ночь, греясь друг о друга, бездомная, потерявшаяся собака и домашняя кошка, не попавшая домой.

Во дворе Арна тоже быстро стала любимицей местной детворы. Они с упоением бросали палочки, мячики и даже мелкие камни и командовали ей при этом:

– Дай! Неси палочку!

Арна с удовольствием выполняла эту нехитрую команду, а также, за «отдельную плату» – конфетку или кусочек колбаски – и другие команды: лежать, сидеть, лапу. Так прошло несколько дней. Арна отъелась. Бока её, на которых недавно ещё можно было пересчитать все рёбра, округлились, шерсть вновь заблестела на солнце. Но тоска по хозяину, по Лёшке, не покидала её. Она не знала, где его искать, куда бежать. Да и откуда ей было это знать?

Жильцы дома, в котором она жила и которые её всё это время всячески подкармливали, тоже прекрасно понимали, что эта породистая охотничья собака обязательно должна была иметь хозяина. Поэтому, не мудрствуя лукаво, несколько сердобольных бабушек, понятия не имеющие о таких современных средствах коммуникации, как интернет, от руки написали несколько объявлений с описанием внешности Арны, и расклеили их по микрорайону. И «хозяин», в виде небритого лица восточной национальности, объявился довольно быстро.

– Гдэ моя собачка? – обратился он к гуляющим возле подъезда ребятишкам, выбираясь из потрёпанного старенького «Москвича».

Те, конечно, сразу же указали, где обитает их любимица.

– А как её по-настоящему зовут? – начали они наперебой выспрашивать у усатого дяденьки.

– Как зовут, как зовут! Рекса его зовут! – отвечал он им.

– Так Рекса – это же он, а у нас девочка! – не унимались дети.

– Дэвочка, значит дэвочка! Гдэ моя дэвочка? А, вот моя дэвочка! Иды ко мне, дарагая, домой поедем! – обратился он к насторожившейся Арне.

Арна уже поняла, что сейчас её опять увезут, неизвестно куда и зачем. Она забилась в угол лестничной площадки и оцетинилась на чужака, который лез к ней зачем-то с чужим ошейником в руках. Но сделать ничего не могла. Через минуту ошейник уже был закреплен у неё на шее, и она, пристёгнутая к поводку, вынуждена была пойти за своим новоявленным хозяином. Во дворе её уже ожидала автомашина с открытым багажником.

Арну посадили в машину, хлопнула дверца закрываемого багажника, и её снова куда-то повезли.

Везли её не очень долго. Мужчины, сидевшие в салоне авто, переговаривались между собой на каком-то чужом, непонятном Арне языке.

Собственно, суть их разговора сводилась к следующему:

– Как думаешь, Рефат, сможем мы найти хозяина этой собаки? Вроде, породистая. Должны денег за неё дать! – говорил тот, который забирал Арну из подъезда.

– Да ты сам посмотри на неё – уже взрослая совсем собака. Ну, и что – что породистая. Мало ли сейчас породистых бегают – никому не нужных. А эта – еще и старая. Посмотри на её зубы, и морда седая! – отвечал второй, что помоложе.

– Старая, не старая – если хозяин ищет, то какая нам разница? Главное – хозяина найти, а денег мы с него получим по-любому. Подержим месяц в вольере с нашими алабаями. Если не объявится, то скормим им же.

– Ты прав, в первый раз, что ли?

Вот под такой «жизнерадостный» диалог Арну привезли в какое-то село, выгрузили из машины и препроводили в большой вольер, устроенный во дворе частного дома. В вольере, разделенном на несколько секций, жило ещё несколько громадных собак. Ростом каждая из них была с хорошего телёнка, но только светло-серого окраса и с длинной шелковистой шерстью, легко защищающей их от зимних холодов. Хвосты у них были купированы, морды –

широки и злобны. Арну они приняли равнодушно, даже не слишком обратив на неё внимание. По ним было видно, что подобные гости появлялись здесь не в первый раз, и им было всё равно – одной собакой больше, одной меньше. Какая разница? Всё равно скоро она исчезнет – либо приедут и заберут, либо – как это чаще бывало – отведут на задний двор и – топором по голове. А потом сварят и скормят им же...

Ничего этого Арна, конечно, не знала. Не знала она и того, что время её жизни теперь пошло уже исчисляться может быть одной – ну, самое большее, двумя неделями!

Глава 5

Прошло уже три недели, как Лёшка попал в больницу. За это время он уже вполне оправился от инсульта. Слава Богу, болезнь начала отступать – правая сторона губ и веко глаза «вернулись» на место, рука и нога тоже уже вполне «слушались». Капельницы теперь ставили всего два раза в день, разрешили вставать и немного гулять по широкому больничному коридору. За это время проведать его приходило множество знакомых – и коллеги по работе, и дочка с мужем, и, конечно же, многочисленные Лёшкины друзья. А их у него было достаточно много. За долгие годы своей репортерской деятельности, благодаря своему «лёгкому» и общительному нраву, Лёшка познакомился чуть ли не со всей творческой интеллигенцией города. В круг его знакомых входили и «телевизионщики» с газетными журналистами, и художники с поэтами, и музейщики, и политики местного разлива, и бизнесмены «разной руки» – рекламщики, туроператоры, издатели, ну, и конечно же, городские охотники. Многочисленные визиты к Лёшке в больницу самых разных людей даже начали приводить медперсонал в лёгкую панику, столь частыми они были. Лёжа на больничной койке, Лёшка ни на минуту не забывал о своей потерявшейся собаке. Все мыслимые возможности для её поиска были им предприняты. Во-первых, во всех местных рекламных газетах были даны объявления с подробными описаниями внешности Арны. Во-вторых, были напечатаны и расклеены в разных районах города листовки с её фотографией и координатами хозяина. В-третьих, друзья Лёшки, Андрей, Влад, Сергей, периодически объезжали все места Арниного предполагаемого местонахождения, большие и малые свалки на окраине города, на которых «проживали» многочисленные стаи бездомных собак, «прочёсывали» городские районы и опрашивали местных жителей, тут же выезжая на многочисленные звонки неравнодушных людей, сообщающих им какие-то полезные, как им казалось, сведения. Оказывается, Арну видели неоднократно. Вернее, им «казалось», что видели, потому что все поиски были безрезультатными.

К «информационному полю» через объявление в «Охотничьей газете» были подключены и городские охотники. На местных интернетовских сайтах тоже висела фотография Арны с подробным её описанием. Влад с Серёгой ездили и обходили пешком окрестные посёлки и ближайшие пригороды, развешивая попутно объявления. Навестили они и приют для бездомных животных, который не так давно открыли на территории городской свалки. В больших, обнесенных сетками, вольерах бегали многочисленные представители самого разного собачьего племени. В основном, конечно, это были «двортерьеры» – начиная от маленьких разномастных ушастиков и заканчивая здоровенными, клыкастыми представителями различных породистых, беспорядочных скрещиваний. Попадались среди них и породистые собаки, по каким-либо причинам оказавшиеся на улице – овчарки, боксёры, бультерьеры и даже рослые, мохнатые «кавказцы». Всех их приводили и привозили сюда мягкосердечные горожане, почему-то думая, что тем самым они им «делают добро». Вот только сами собаки «добром» это отнюдь не считали. В вольерах было голодно и холодно. Кормить этих собак, несмотря на скудные дотации из городского бюджета, было особо нечем. Местное городское «Общество защиты животных» собирало для них какую-то пищу – старый хлеб, кости, закупало собачий корм и даже выделяло деньги на операции по стерилизации попавших в приют животных. Но суммы эти были весьма незначительны и, что самое горькое, не стабильны.

Проблемы с бездомными животными существуют сегодня во всех больших и малых городах. Периодически, особенно после каких-нибудь «громких» газетных и телевизионных скандалов, связанных с нападениями собак на людей (в особенности – на детей), власти пытаются предпринять какие-то меры по наведению порядка в этом щепетильном вопросе. Раньше при коммунальных службах даже существовали бригады так называемых «отстрельщиков» бездомных собак и кошек. Бригады эти работали грубо, кроваво, но эффективно. Сегодняшней гласности не существовало. Поэтому и на газетные полосы моральные аспекты подобных зачинок никто не позволял выносить. Это, вроде, как и было, а «вроде как и не было». Можно было сколько угодно возмущаться варварскими методами отлова и отстрела – всё равно никто бы этого не услышал. Машины, в которых разъезжали коммунальные ловцы, назывались «будками». Они зловеще появлялись на улицах города только в ранние утренние часы, на рассвете, когда горожане еще в основном все были дома и не могли увидеть нелицеприятный процесс убийства животных, в том числе и котов. Бедные были те собаки, которые попадали в поле зрения этих «псевдо охотников».

Сегодня же, с либерализацией нашего общества, и отношение к животным немного изменилось. Именно – немного. Потому что окончательно решить этот вопрос так никто и не смог. Лишь незначительная часть бездомных собак попадают сегодня в приюты. Да и что там с ними дальше делать, не знает никто.

В Лёшкином городе проблему «обустройства» бездомных собак попытались решить с помощью рекламы о них в телевизионной программе местного канала телевидения. Известная тележурналистка Татьяна, хорошая Лёшкина знакомая, уже много лет вела программу под странным названием «Клуб Шико». Лёшка, хотя и был много лет знаком с Татьяной – она, кстати, как-то снимала передачу и об охотничьих собаках, в том числе и об Арне – до сих пор понятия не имел, что такое «Шико», и почему так называется её программа. Впрочем, большого значения это не имело – главное, что в этой передаче была постоянная рубрика о пропавших и беспризорных животных. Благодаря этой журналистке, на телеканале постоянно давались объявления с просьбами типа: «Молодая симпатичная, преданная и ласковая рыжая небольшая, стерилизованная и привитая собака-девочка ищет любящего хозяина!» И это помогало пристроить очень и очень многих собак из питомника. В Лёшкином дворе жило даже несколько таких собак. Он помнил, какими они были в начале – запуганными, недоверчивыми, худыми – и какими становились «на домашних харчах» и любви к ним через некоторое время. Все эти Жулики, Фантики и Ласточки, пройдя страшную школу жизни собачьей выживаемости, действительно, попадая потом в любящие и кормящие руки, умели быть благодарными и преданными. Их отдавали бесплатно. Была, правда, со стороны администрации питомника небольшая просьба – подарить другим собакам хотя бы один мешок корма. И просьба-то пустяковая, но правильная. Ведь и остальных надо продолжать кормить. И отдаваемую собачку тоже кормили, прививали, стерилизовали бесплатно. А всё это стоит, к сожалению, денег. А денег этих – в обрез, и даже того меньше!

Выйдя из больницы, Лёшка сразу же созвонился с Татьяной.

– Танечка, привет, ты же помнишь мою Арну? – спросил он её.

– Ну, конечно помню. А что случилось? – ответила журналистка.

– Да вот горе у меня – то ли украли, то ли убежала. Не могу найти уже три недели. Не помогла бы ты объявлением?

– Да, конечно помогу, Лёш. Давай, сбрасывай её фото и координаты!

Уже на следующий день, по несколько раз, начали показывать объявление о пропаже Арны.

– Не переживай, если жива – найдется! – утешал Лёшку Влад – Не может не найтись!

В ответ Лёшка только вздыхал – тяжело и горестно. Он и сам прекрасно понимал, что с каждым прошедшим днём шансы найти Арну таяли. Если бы она попала в руки к охотникам, об

этом сразу же стало бы известно. Его бы давно бы известили по «беспроволочному телефону» о находке, даже из другого города. В этих соседних городах он тоже дал объявления в газетах, да и телевизор там тоже смотрели.

Так прошла ещё неделя. Лёшка, пытаясь занять себя хоть чем-то, ездил на больничные реабилитационные процедуры, долго в одиночестве гулял по родному сосняку, в котором так любила бегать Арна, что-то читал, смотрел «телек». Дома всё напоминало об её отсутствии – и миска, одиноко стоящая в углу, и погрызенный мячик, которым она развлекалась в часы вынужденного одиночества, и поводок, свисающий с вешалки, и фотографии, висящие на стенах. Раньше он как-то не задумывался о том, как много места собака «занимает» в его душе и жизни. Привычный ритм совместного существования не оставляет много времени для чувств. Они приходят лишь тогда, когда он прерывается, и остаются лишь пустота и одиночество. Да и ритм этой самой жизни меняется – не надо утром и вечером выводить своего питомца на прогулку, не надо заботиться о его кормлении и здоровье. Некого потрепать за ухом, любезно специально подставленным для этого любимой собакой.

А вечером Лёшке позвонили. Звонила Татьяна с телевидения.

– Лёша, тут нам перезвонили откуда-то. Не знаю, почему тебе напрямую не позвонили. Ну, короче, вот такая ситуация: Арну видели в Фонтанах. Или похожую на неё собаку. Только описали приблизительно дом и двор, в котором её держат, без точного адреса. Ты бы сам съездил, посмотрел – она или нет? Телефон, с которого звонили, я тебе диктую, готов?

Лёшка схватил ручку и начал записывать номер.

– Спасибо, Танечка! – только и смог он, запинаясь от охватившего его волнения, ответить журналистке.

Ждать до утра не было никакого терпения. Поэтому Лёшка тут же набрал на мобильнике Серёгин номер.

– Серёга, можешь приехать прямо сейчас?

– А что случилось? – поинтересовался Серёга.

– Да проехать надо тут недалеко, в Фонтаны. Мне позвонили – вроде, по описаниям, Арна там. Надо только дом найти. А то точного адреса нет – только описание.

– А может, утром поедем? – ответил Серёга.

– А вдруг утром будет уже поздно? Я чувствую, что ехать надо сейчас! – закричал в трубку Лёшка.

– Ну, тогда жди, минут через тридцать подъеду!

Все эти полчаса Лёшка не находил себе места, выйдя из подъезда и дожидаясь друга на улице.

А в это время Арну, действительно, «уже приговорили». С утра она почувствовала неладное – обычно её, хоть раз в день, но кормили. А сегодня о ней как будто забыли. Все остальные собаки были накормлены, а усатый мужик, который и привёз её сюда, как будто бы не замечая, прошел с ведром мимо и только как-то странно посмотрел в её сторону. До этого Арна видела, что он много раз привозил разных дворовых собак, но все они, прожив в соседнем вольере несколько дней, бесследно исчезали поздними вечерами, когда на улице темнело. Мужик заходил за ними в вольер, надевал ошейник и выводил на заднюю часть двора. Потом оттуда доносился глухой удар, и начинало густо и противно пахнуть свежей кровью. Через некоторое время мужик выходил оттуда с ведром, наполненным тем, что ещё совсем недавно было собакой, и относил это в сарай, где варил пищу для своих алабаев – азиатских овчарок, которых он держал для разведения и продажи щенков.

Лёшка сидел на переднем сидении стареньких Серёгиных «Жигулей» и не находил себе места. Ехать было действительно недалеко. Эти самые Фонтаны были чуть ли уже не в черте города, хотя ещё совсем недавно считались деревней. За последние годы город значительно разросся благодаря и плановым, и не плановым – так называемым «самозахватам» – застрой-

кам вновь прибывших из Средней Азии переселенцев. И найти Арну среди новых домов было весьма проблематично. Серёга вот уже минут двадцать как катался среди новостроек. Лёшка нервничал. Он уже позвонил по тому номеру, который дала ему Татьяна, и попробовал уточнить, где же находится дом, в котором, может быть, держат Арну. Судя по описаниям, это должно было быть где-то рядом. Вот он, с красной крышей и зелеными воротами с глухим, высоким каменным забором!

– Кажется, здесь. Серёга, тормози!

«Жигули» остановилось. Лёшка выскочил из машины и осмотрелся. Ни на воротах, ни на калитке не было никаких признаков звонка.

– Серёга, посигналь! – попросил он друга.

В ответ на громкое бибиканье все собаки во дворе громко и дружно залаяли. И вдруг, среди этого тяжёлого, хриплого лая, Лёшка услышал такой до боли знакомый и радостный «гавк» Арны, переходящий в вой. От нетерпения Лёшка начал стучать по воротам уже чуть ли не ногами. Вся эта какофония – стук, вой, лай – продолжалась несколько минут, пока, наконец, ворота не отворились, и на улицу не вышел хозяин дома.

– Что надо, чего стучишь? – грозно спросил он Лёшку.

Лёшка в ответ показал ему большую фотографию Арны.

– Мне сказали, что она у вас!

– Ну, заходи, посмотришь – она или не она! А то мне кормить её уже надоело! – отвечал домовладелец, почему-то отводя в сторону взгляд.

Просить Лёшку дважды нужды не было. Он, забыв о своей недавней болячке, бегом кинулся к вольеру. Уже издали он увидел, как о проволочную решётку ограждения, со всего разбега, прыгает и бьётся, издали узнав его, Арна! Похудевшая, с чуть поджившей от укуса алабая раной на боку, но здоровая и невредимая.

– Арна, Арночка! – только и мог, что приговаривать вслух Лёшка, открыв вольер и крепко прижав к себе свою собаку. Ему и верилось, и не верилось, что это она. Что она, наконец, нашлась после целого месяца разлуки! Но это была действительно она! Арна выкручивалась из Лёшкиных объятий, пытаясь облизать его лицо, становясь на плечи передними лапами, да ещё и подпрыгивая при этом! Она громко и радостно скулила, совсем как в детстве, когда была ещё щенком. Она жаловалась Лёшке на все мытарства, которые она перенесла за это время, она рассказывала ему, как прыгнула в Олегову машину, думая, что сейчас туда подсядет и Лёшка, и они все вместе поедут, как всегда, на охоту. И о том, как Олег завёз её куда-то в степь, за город и, сняв с неё ошейник с именным медальоном, выбросил возле далёкой свалки, отомстив Лёшке за своё, как ему казалось, унижение. И о том, как страшно ей было сидеть в чужом вольере и каждый день ждать неминуемой смерти на заднем дворе от топора! О том, как она тосковала по своему любимому Лёшке! Всё это она рассказывала ему на своём собачьем языке!

– Сколько я должен? – спросил Лёшка у усатого.

– Давай тысячу – я кормил, ухаживал! Вон смотри – не худой совсем! – отвечал он.

Лёшка, не торгуясь, достал и отдал деньги. Всё было позади – одиночество Арны, его одиночество. Они снова были вместе! В этот миг он ощутил то чувство, которое, наверное, называется счастьем! Да и действительно – кто знает, что такое счастье? Да никто! Ведь оно бывает таким разным. Вот и возвращение Арны для Лёшки, и Лёшки для Арны было счастьем! В этот миг, прекрасный миг – полным и безусловным! Арна запрыгнула в машину, Серёга надавил на газ – и они поехали домой.

«Арна нашлась!» – сбросил эсэмэски своим друзьям Лёшка. В ответ посыпались поздравительные звонки. Звонков было много и от разных людей.

«Нет, есть ещё всё-таки на свете счастье!» – подумал Лёшка, засыпая поздно ночью и обнимая лежащую и посапывающую рядом, объевшуюся и разомлевшую от тепла Арну. Ведь впереди у них были еще многие годы жизни и радости прекрасных охот!

Прощение

Вся дрожа от охотничьего азартного возбуждения, ухватившись за свежий след убегающей дичи, моя собака – молодая курцхаарша Руна – шла за фазаном. Вот она подняла голову и застыла на мгновение, пытаясь верхним чутьем «засечь» цель преследования. Постояв несколько секунд, она снова наклонила свой чуткий нос к траве, от которой так и несло птичьим запахом. Фазан был где-то рядом, но он не сидел на месте, он бежал и бежал прочь от опасности, прочь от собаки и людей, которые шли следом. Высокая, почти до пояса, и густая трава, покрывавшая поле, способствовала его скрытному и быстрому перемещению.

Те, кто хоть однажды видел, как бегают фазан, не удивятся столь длительному описанию его преследования. Ну, а для непосвященных будет интересно узнать, что бежит он быстро, бесшумно и не всегда прямо, а как бы делая так называемые, пользуясь морским термином, «противолодочные зигзаги» влево и вправо, тем самым пытаясь запутать преследователя. И не обязательно этим преследователем является охотничья собака – основным природным врагом фазана являются лисы. А уж они «охотники» великолепные, знающие его повадки не хуже самого просвещенного в своей профессии егеря. На крыло фазан становится в крайнем случае – когда он уже обнаружен преследователем, и деваться ему больше некуда. Несмотря на свою кажущуюся массивность (вес взрослого петуха частенько намного превышает килограмм), взлетает фазан стремительно, хотя и шумно, и летит достаточно быстро, но по прямой траектории, что делает его достаточно уязвимым для выстрела. Опытный охотник знает, что подняв на крыло петуха, если собака не преследовала его до того несколько сотен метров (такое часто случается – петух «уводит» преследователей от курицы), всегда можно вернуться к месту его первичного обнаружения собакой и попытаться найти где-то поблизости затаившуюся курицу-фазанку. Курица, в отличие от петуха, очень часто после недолгой пробежки пытается просто спрятаться – затаиться в густой траве или кустарнике и переждать опасность.

Судя по темпу, Руна преследовала петуха. Сегодня этому петуху ничего не угрожало. Я был без ружья, а стартовый пистолет, придающий после «работы» собаки по дичи, то есть ее подъему на крыло, своим холостым выстрелом хоть какой-то антураж настоящей охоты, был в руках у второго полевого судьи. Всеукраинские соревнования собак по фазану были в полном разгаре. С раннего утра на нескольких полях работало три судейские бригады. Дичи было много. Щелкинский фазаний заказник в том далеком году был буквально переполнен этими благородными птицами, завезенными в Крым еще в шестидесятые годы прошлого столетия и прекрасно акклиматизировавшимися здесь. Причем в совершенно разных природно-климатических условиях – начиная от Южного берега и заканчивая степными прибрежными районами Керченского полуострова, где бывают достаточно суровые зимы с морозами до тридцати градусов ниже нуля.

Сам поселок городского типа Щелкино – это уникальное, даже по современным меркам, поселение на берегу Казантипского залива неглубокого Азовского моря. Собственно, это небольшой городок, названный так именем трижды Героя соцтруда, атомщика-академика Кирилла Ивановича Щелкина – уроженца небольшого районного городка Белогорска (бывший Карасубазар), расположенного в сорока километрах от столицы Крыма – Симферополя (там он учился и окончил среднюю школу), состоящий из трех десятков пяти- и девятиэтажных зданий, построенных в конце 80-х годов для проживания в них будущих работников атомной электростанции, которую начали возводить поблизости, но так, слава Богу, и не закончили. Этому помешал целый ряд обстоятельств: во-первых, развал СССР и отсутствие дальнейшего финансирования стройки; во-вторых, крупные протестные акции крымской общественности против строительства этой АЭС в сейсмоопасной зоне (в этой местности исторически подтверждены землетрясения до десяти баллов по шкале Рихтера, а до сих пор «действующие»

неподалеку грязевые вулканы лишь подчеркивает правоту экологов). Главной достопримечательностью городка являются, конечно, длинные песчаные пляжи, наличие рядом с ним круглообразного выступа массива мыса Казантип и отсутствие улиц. Вернее – улицы-то есть, и машины по ним ездят, но у них нет названий. Все «высотки» пронумерованы, и все жители и многочисленные отдыхающие, облюбовавшие в последние годы Щелкино для отдыха в летнее время, превратившееся в уютный курортный поселок, ориентируются именно по номерам домов.

Во время возведения города и блока атомной станции (он так и стоит заброшенный, одиноко возвышаясь над прибрежной степью, на берегу озера Акташ, воды которого предполагалось использовать для охлаждения реактора) вокруг Щелкино были в больших количествах высажены массивы, состоящие из сосново-лиственных деревьев. Поля разделили густыми, заросшими травой, многокилометровыми лесополосами. Еще стоит отметить, что в прибрежной зоне этой части Крыма множество мелких пресных озер, густо заросших камышом и осокой. Вот в это раздолье и были в свое время запущены первые фазаны, которые быстро акклиматизировались и успешно размножились в этих местах. Охота на них, хотя и ограничена жесткими лимитами отстрела, но все же разрешена. Единственное жесткое и непреложное правило – не стрелять куриц-фазанок. Это и не удивительно, ведь каждый петух может одновременно «обслуживать» до десятка самок на «своей» территории. А на них, собственно, и держится весь воспроизводственный цикл – от высидки яиц до сохранения потомства.

Итак, Руна преследовала петуха. Полевая судейская комиссия, которую возглавлял главный судья соревнований, шла следом и фиксировала все недочеты моей собаки. Эксперт был недоволен ею. А может быть, и не совсем ею, а вообще недоволен. Он только пообедал и почти бежать за собакой, которая преследовала дичь в быстром темпе, ему не очень хотелось. Но, с другой стороны, скорость преследования была неровной – то приходилось переходить на бег, чтобы успеть за собакой, то, когда она начинала «разбирать» хитросплетения фазаньего следа и метаться влево-вправо, низко к земле наклонив нос – стоять на месте и ждать, когда же, наконец, собака пойдет дальше. В такие минуты терпение судьи лопалось, и он нервно кричал мне:

– Ну, что она там топчется! Толкай ее вперед, толкай!

Я тоже сильно нервничал. И тому были причины. Дело не в том, что моя собака «не знала» дичь. Руна прекрасно работала по фазану в разных охотничьих условиях. Несмотря на ее молодость – ей было всего полтора года – она уже имела на своем «боевом» счету больше десятка сбитых мною фазанов. Причем, условия их поиска были гораздо хуже, чем условия, в которых проводились соревнования. Местность – пересеченней: овраги, балки, густо заросшие травой и терновником заболоченные ручьи, плотный камыш и высокая трава. Вот в каких условиях я натаскивал Руну на фазанов. И она не подводила – четко брала след, упорно преследовала убегающую птицу и, если она ей позволяла, делала по ней великолепные стойки, после которых шансов уцелеть у фазана было немного. Ведь стрелять изготовившемуся охотнику по ожидаемой дичи всегда легче и точнее, чем, если эта самая дичь неожиданно поднимется на крыло, выпорхнув из-под ноги. Хотя случаи бывали разные. Бывало и так, что фазан, словно в насмешку, ожидаемо и шумно взлетев, вместо того, чтобы улетать вдаль или в сторону, выбирал неожиданное направление, налетая прямо на тебя, пролетал над головой на высоте какого-нибудь десятка метров, а ты, целя и стреляя «в упор», мажешь по нему! Вот это обидно и досадно. Тем более, когда его преследование иногда требует невероятных физических усилий. Я помню случай, когда оно длилось около тридцати минут и завершилось двумя пустыми дуплетами из двух стволов по все-таки перехитрившей меня и моего товарища по охоте птице. Руна была моей первой собакой. Я натаскивал и учил ее всему сам. Где-то и в чем-то, конечно, ошибаясь. И не удивительно – опыта натаски у меня еще не было, но было сильное желание развить в своей собаке все лучшие универсальные качества курцхаара. До этих Всеукраинских соревнований, за достаточно короткий срок, всего полгода, она уже честно «заработала»

целых четыре полевых диплома: два (второй и третьей степени) – по куропатке, и по одному – по перепелу и водоплавающей дичи. Причем, дипломы эти были честными, полученными на городских полевых испытаниях и чемпионате Крыма. Собака оценивалась разными экспертами и в разных условиях. С этим дипломным «капиталом» я и приехал в Щелкино на Всеукраинские соревнования по фазану.

Лагерь участников расположился на краю поля, поросшего густой травой, возле лесополосы, состоящей из деревьев весьма специфических, свойственных к посадке только в Крыму – лоха серебристого и акации. Надо сказать, что, несмотря на относительную удаленность проведения этих ежегодных состязаний от крымских больших городов (до ближайшей Керчи около семидесяти километров, а уж до Симферополя – почти двести), на них съезжается довольно много желающих, в надежде получить заветный диплом по столь редкой птице, как фазан. В том числе, и с Украины, и даже из России. Ведь до керченской переправы расстояние сравнительно небольшое, а поблизости расположены крупные российские города – Краснодар, Новороссийск и другие. Вот и едут они со своими собачьими питомцами в Щелкино. Часто и густо привозят собак заранее, на несколько дней раньше, чем начинаются собственно соревнования. Делается это с целью натаски собак. И правильно – дичь специфическая, обитающая в очень немногих местах. А диплом по ней получить хочется, и собаку выставить – тоже. Если учесть, что, кроме того, все это стоит немалых денег (само участие в состязаниях да плюс еще и транспортные расходы), то желание достичь результата увеличивается в несколько раз.

После обязательного торжественного построения все участники, зарегистрировавшиеся в секретариате соревнований, начали разъезжаться по полям с судьями-экспертами, в чьи комиссии они попали по жеребьевке. Я с Руной попал в комиссию главного судьи – очень уважаемого эксперта национальной категории из Киева с многодесятилетней судейской практикой. И, честно говоря, когда узнал об этом – обрадовался. Обрадовался тому, что мою Руну будет оценивать приезжий высококвалифицированный эксперт и что, в случае успешной работы, в ее очередном дипломе будет подпись киевского авторитета. В рабочих качествах своей собаки я не сомневался!

О, как же я был потом наказан за свою мысленную самоуверенность и самомнение! А начиналось все как всегда – эксперт, перед выездом в поле, переписывал в свой блокнот породы и клички собак, их возраст и предыдущие дипломы, оценку экстерьера, фамилии и место проживания владельцев. Дошла очередь и до меня. Я лихо отрапортовал все данные, дошел до полевых дипломов и возраста, и вот тут-то произошла первая неприятная заминка.

– Сколько, сколько у Вашей собаки дипломов? – начал уточнять, сразу не поверивший мне главный эксперт.

– Это что ж, собаке нет еще полутора лет, а она уже четыре диплома имеет, в том числе и второй степени? Кто же тебе их надавал столько? Или все одним экспертом подписаны? – с явной подковыркой продолжал он сыпать колкими вопросами.

Я, не ожидавший такого поворота сюжета и столь предвзятого отношения к себе и моей собаке, сначала и не знал, что ответить. Помнится, что впервые за многие годы, я покраснел, хотя мне это и не свойственно, в голове моей что-то помутилось, а сердце забилося явно в более высоком темпе, чем ему положено. Вообще-то я не умею отвечать на разные колкости. Являясь по натуре не спорщиком, а скорее, созерцателем, я всегда теряюсь тогда, когда меня явно пытаются оскорбить или заставить ответить неприятными словами на какие-то оскорбительные высказывания в мой адрес. Это уже потом, когда ситуация остается в прошлом, я «про себя» изобретаю «правильные и остроумные» ответы, страстно жалея о том, что мне это сразу не удалось сделать в реальной обстановке словесного противостояния. И тогда тоже со мною повторилась та же самая история. Вместо того чтобы четко и твердо ответить, что дипломы зарабатывались собакой и мною на состязаниях разных уровней, что давались они по заслугам и по объективным критериям оценок разными экспертами – я только и сумел из себя выдать:

– А что, Стоячко вам не авторитет что ли?

Я прекрасно знал, что киевский эксперт и наш крымский самый опытный и уважаемый эксперт Анатолий Владимирович Стоячко дружат уже много лет, не раз слышал интересные истории об их совместных суждениях, спорах и приключениях. Но также я прекрасно знал и то, что Стоячко лично оценивал мою Руну на городских испытаниях. Это был ее дебют, первая проверка ее профессиональных охотничьих навыков. И она ее с честью выдержала. И не только получила полевой диплом, а сразу – диплом второй степени, что для еще совсем молодого, годовалого курцхаара является великолепным достижением. А если учесть, что таких дипломов на тех далеких испытаниях из всех молодых собак был удостоен еще только пойнтер Чак (который почти на год, надо сказать, был старше моей Руны), то можете себе представить мою радость в тот момент!

И вот теперь авторитет моего крымского кумира-эксперта вдруг оказался под сомнением. И у кого – у его столичного друга и соратника. Я не знал, что мне ответить и как оправдать и свою собаку, и себя, и Анатолия Владимировича?

Закусив от обиды губу, я только и сумел еще выдать из себя почти шепотом:

– В поле посмотрим – липовые у нас дипломы или нет?

А что я еще мог сказать или сделать? Действительно – только и оставалось в поле показать качество подготовки своей собаки, продемонстрировав ее чутье, послушание и работоспособность. Доказать-то – доказать, но я уже заранее знал, что теперь сделать мне это будет очень нелегко, особенно после такого нелicenseприятного диалога, который состоялся перед испытаниями – обмена колкостями и возникновения явной неприязни по отношению ко мне лично со стороны главного эксперта.

И вот настал наш с Руной черед. Второй эксперт зовущее поднял руку вверх, призывая меня занять свое место впереди комиссии.

– Отпускайте собаку! – скомандовал киевский авторитет.

Я отпустил Руна с поводка. Время пошло! У нас был только час. Теперь все зависело только от собаки и охотничьей удачи. А удача была вначале на нашей стороне. Идя широким зигзагом против ветра по невспаханному, заросшему сорняками, полю Руна уже через несколько минут «прихватила» свежий фазаний след. Вот она изменила направление движения и пошла уже боком к ветру, уткнувшись носом в землю и изредка поднимая морду кверху, причуывая доносившиеся запахи дичи. Темп движения то нарастал, то замедлялся. Позади меня ерничал столичный эксперт и все время отпускал какие-то колкости:

– Ну, что она у тебя, как неживая! Вперед, вперед! Не позволяй ей останавливаться! Это же фазан, а не куропатка, она должна его дожимать!

Я прекрасно понимал, что ситуация складывается какая-то нестандартная. С одной стороны – ни к одному другому участнику состязаний не было таких претензий и замечаний по поводу работы их питомцев. А с другой – если бы не было нашего разговора до испытаний, может быть я и не обращал бы внимания на эмоциональные возгласы эксперта и считал бы их, наоборот, знаком персонального внимания и желания помочь начинающему собаководу в работе по сложной дичи. Но я-то знал, что эти возгласы не имеют «к помощи» никакого отношения.

Руна, наконец, стала в стойку, загнав убегающего фазана почти к самой лесополосе, ограждавшей поля. Подбежав к собаке и подняв, как это положено на соревнованиях, руку, сигнализируя тем самым экспертам о том, что «собака на стойке», и сейчас я дам команду на подъем дичи, я выдохнул почти ей на ухо:

– Вперед, возьми!

У хозяев охотничьих собак нет универсального слова для посылки собаки после стойки на дичь. Одни кричат «Дай!», другие – «Пиль!», третьи – еще что-то. Да и в правилах испытаний об этом тоже ничего не сказано. Главное, чтобы собака выполняла эту команду.

Руна рванулась к фазану броском. С громким шумом из травы поднялось сразу два петуха. Громко клопоча от негодования, они под холостой выстрел второго эксперта разлетелись в разные стороны, набрали высоту и скрылись за деревьями.

– Ну, продолжай, продолжай! – только и сказал мне киевский гость, что-то фиксируя у себя в полевой тетради.

Мы пошли дальше вдоль лесополосы. Руна опять тут же «прихватила» фазаний след и пошла по нему, постоянно заворачивая в лесополосу и вновь выходя на поле. Так, все вместе, мы прошли еще метров триста. Руна вновь свернула в лесополосу, пересекла ее и вышла на ее противоположную сторону. С другой стороны тоже было поле, но заросшее зеленой невысокой осокой. Ни секунды не раздумывая, Руна вошла в эту осоку, продолжая идти по свежему следу.

Вот здесь-то все и произошло! По проселочной дороге к нам подъехала какая-то легковая машина. Из нее призывно посигналили, привлекая внимание киевского эксперта.

– Мне надо перекусить! – изрек он, явно намекая на то, что испытания сейчас придется прервать на неопределенное время.

А Руна в это время, застыла в очередной стойке. Я, не обращая внимания на внешние отвлекающие обстоятельства, ринулся к ней. Команда – бросок – подъем дичи! Еще один бросок – еще один подъем! Мы напоролась на целый фазаний выводок. Фазаны взлетали по несколько штук сразу. Когда все кончилось, я обернулся назад, пытаюсь увидеть реакцию судей, и увидел, что сзади никогошеньки нет. А мой главный судья сидит метрах в ста от меня рядом с машиной и что-то закусывает. Я подошел к нему.

– Ну, что я тебе могу сказать?! – сказал он, глядя куда-то в сторону. – Сыроватая у тебя еще собака, тормозит, скорости преследования нет такой, которая требуется. Надо еще поработать с ней. На диплом она еще не тянет!

– А как же сделанные работы? – начал лепетать я, заикаясь от, захлестнувшей меня обиды. – Они что, тоже не в счет? А последние три подъема один за другим?

Знаете, дорогой мой читатель, сейчас, когда уже прошел почти десяток лет с того достопамятного дня, и описывая все, что со мной произошло тогда, я заново пережил тот неопишемый шок от явной несправедливости к моей собаке и ко мне лично. Ведь и я, и второй эксперт (кстати, феодосийский, оценивший Руну на диплом на предыдущих крымских соревнованиях по перепелу) были совершенно уверены, что все идет нормально. И тут такой облом! Поняв, что «плетью обуха не перешибешь», я отозвал второго эксперта в сторону и спросил:

– Сережа, ну как же так? Ты же сам все видел!

Сережа только пожал плечами, тоже виновато смотря в сторону:

– Извини, но что я могу сделать – ты же сам видишь, ну не хочет он тебе давать диплом!

Я все это прекрасно видел и сам. Неожиданно подступившие слезы душили меня. Чтобы никто их не увидел случайно, я рванул в лесополосу, а затем дальше в поле. Рядом была только моя Руна. Я гладил ее по умной собачьей морде и что-то ей говорил. Она бежала сбоку и все время пыталась забежать вперед и заглянуть мне в глаза, виновато виляя своим куцым, купированным в детстве хвостом, словно прося прощение за что-то...

В тот же час, на попутной машине со своим товарищем-охотником я уехал из лагеря, быстро собрав свою палатку и нехитрые туристские принадлежности. Делать в этом лагере нам было больше нечего! Нет, можно бы было, конечно, доплатив еще денег, выставить Руну на так называемую «испытательную станцию» для молодых собак, но в зачет соревнований это бы не пошло, да и после вынесенного унижения не было никакого желания выставляться еще только ради получения очередного диплома, рангом гораздо ниже предыдущего.

И мы уехали на Капсель. Капсель – это небольшое урочище, расположенное между мысом Меганом и крымским курортным городком Судак. Именно туда, в теплую уютную долину, покрытую невысокими холмами, и прилетает осенью перепел, откочевывающий на юг. Во время сезонной миграции этой птицы охота в этом урочище открыта каждый день. Можно

покупать разовые отстрелочные карточки на один день, а можно приобрести сразу сезонную – на весь месяц. Так называемые «сезонки» покупают в первую очередь, конечно, местные охотники из Судака. Но есть и любители поохотиться и отдохнуть в палатках на берегу моря с семьями, приезжающие сюда из многих городов Украины и России – Днепропетровска, Запорожья, Орла, Москвы. Я много лет по осени навещаю в Капсель во время перелета перепела. Когда попадаю на «высыпки», когда не попадаю! Но всякий раз знаю, что у моря стоят палатки, рядом с которыми бегают охотничьи собаки – в основном, курцхаары, в этих палатках неделями живут мои многолетние знакомые охотники. Они знают и помнят меня тоже. Ведь я приезжаю не только с ружьем и с собакой. Но еще с гитарой и со своими новыми и старыми песнями, до которых они тоже большие любители.

Дров на побережье взять негде – вокруг степь, поэтому долгими вечерами у совместного стола сидим мы при свете луны и нескольких ламп. Тихо звенят гитарные струны, льется очередная песня. Четвероногие наши друзья-собаки лежат рядом со своими хозяевами, чутко насторожив свои большие уши и периодически пытаюсь привлечь к себе внимание, укладывая тонкие морды им на колени. Развлечений на берегу не так уж и много – купание днем, чтение книг, конечно же, охота, когда «приходит» перепел. Сейчас еще добавился и интернет, но все это – мелочи. Ведь главное – это чувство единения с природой. Рядом море – волны с тихим шуршанием наползают на каменно-галечный берег, ветер шелестит песком по палаткам. Он иногда бывает здесь очень сильным, порывистым, иногда вообще стихает, и тогда слышно, как где-то далеко-далеко, за несколько километров от палаток, по дороге, прорезающей все урочище, негромко фырчит чей-то автомобильный мотор. Вечером ветер дует с моря, а утром – с берега, с недалеких гор главной Крымской гряды. Классика! «То муссон, то пассат...»

Вот сюда-то и приехал я в тот же вечер с товарищем и с Руной «зализывать» душевные раны. На берегу, как всегда, стояли знакомые палатки и бегали знакомые собаки. Вечер был тих и лунен. После искренних приветствий, выяснилось, что перепела почти уже нет. Высыпки, конечно же, были, что-то осталось, но совсем немного. Меня, честно говоря, это совсем не огорчило. Я приехал «излить» душу. Моя гитара аккомпанировала мне почти четыре часа. И только изредка она прерывалась для того, чтобы слушатели могли поднять очередной тост за дружбу, за хорошую охоту, за собак, за Крым – и еще много-много за что хорошее...

Рано утром мы с моим знакомым и с Руной выдвинулись в поле. И действительно, пройдя несколько километров по холмистым, заросшим небольшой выгоревшей травкой местам, мы почти ничего не обнаружили. Перепела уже не было. Только несколько стоек, только три выстрела – но все в цель. Время приближалось к обеду. Октябрьское солнце еще ярко и жарко светило, поэтому приходилось иногда останавливаться, чтобы напоить собаку и самим попить воды. И тут, прямо по целине, которая была не такой уж и ровной (во всяком случае, даже идя по ней пешком, приходилось, ступая, попадать в мелкие ямы, и взбираться на невысокие холмики), к нам наперерез выкатился здоровенный «внедорожник» серебристого цвета.

– Как для егерей, что-то больно уж крутая тачка! – заметил мой товарищ, разбирающийся в марках автомобилей.

– Последняя модель «Ниссана»! – уточнил он. – Тысяч на сто пятьдесят баксов тянет!

Если честно, то мне было абсолютно все равно, на сколько «тянет» эта, не Бог весть откуда взявшаяся машина. Она явно дисгармонировала с окружающим ландшафтом – горами, травой, жаворонками, парящими в небе. В конце концов – даже с моим внутренним мироощущением пусть и мимолетного, но все же покоя, посетившего меня после вчерашней нервотрепки в Щелкино. «Ниссан» подъехал к нам почти вплотную. Дверь распахнулась, и на подножку, опершись на дверцу вывалился его владелец – сравнительно молодой парень лет тридцати, и явно не охотник.

– Мужики, ну как, перепел есть? – спросил он у нас.

Я показал ему рукою на тощий пакет, который нес мой товарищ.

- Да вот, немного совсем! – ответил я ему.
- Ну, сколько, немного? – продолжал уточнять автомобилист.
- Три штучки только.
- Мужики, продайте! Ну, очень надо! – неожиданно продолжил он.
- Да зачем тебе три штучки-то?
- Да надо позарез!
- Мы с товарищем удивленно переглянулись.
- Отдай, раз надо! – сказал я ему.

Мой товарищ подошел к машине и было видно, что они с водителем о чем-то говорят. Мне, честно говоря, было все равно, о чем. Я стоял и смотрел в степь, которая травяными барханами перекашивалась под несильным свежим ветерком и думал: «Вот и еще один год скоро окончится, время летит быстро, перепел ушел, скоро наступит осень и у нас». На душе было легко и спокойно. Все перипетии вчерашних нервных событий казались уже далекими и не столь уж и важными. Ну, дипломом больше – дипломом меньше. Какая разница. Получим мы еще этот диплом. Не сейчас – так в следующем году, не в следующем – так через пару лет.

Мотор взревел, отвлекая меня от философских мыслей, и автомобиль, переваливаясь по кочкам с борта на борт, укатил от нас вдаль. А мой товарищ, подойдя ко мне, протянул мне три пятидесятигривневые купюры.

- Что это? – удивленно спросил я у него.
- Плата за перепелов! – ответил он.
- Не слишком ли?
- Да нет, с учетом стоимости его машины – не слишком. Да я и не просил ничего – сам выдал и уточнил еще – не мало ли будет?

Да уж, в жизни бывают всякие приключения. Может быть и «крутому» владельцу «Ниссана» тоже надо было перед кем-то отчитаться – еще более «крутым» – может, это была жена – мол был не где-нибудь на «лядках», а на самой, что ни на есть охоте, а может – еще кто-то? Вот и доказательства непреложные – свежие птички. А чего так мало – так мало и было. Что взял – то взял! На то и охота...

А свой десяток перепелов мы с Руной все равно тогда «взяли». И вернулись домой, в Симферополь, обиженные, но не побежденные.

С той поры минуло несколько лет. Моя Руна получила уже всеобщее признание в глазах крымских собаководов: родила великолепное потомство, которое в свою очередь тоже показало замечательные профессиональные качества, заработала еще пять полевых дипломов. Все это в совокупности дало ей право получить высшую собачью награду – Большую золотую медаль на Республиканской выставке охотничьих собак. Жизнь и охоты продолжались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.